

Любимова А.Ф. Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты : учеб. пособие по спецкурсу / А.Ф. Любимова. – Пермь : ПГУ, 2001. – 91 с.

Стругацкие А. и Б. Град обреченный / Аркадий и Борис Стругацкие [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://tululu.ru/read23939/4/> (дата обращения: 29.11.2011).

Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. 1973-1978 гг. За миллиард лет до конца света / Б. Стругацкий [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-07.htm> (дата обращения: 3.02.2012).

Шестопалов О. Тридцать лет спустя, 1990 / О. Шестопалов [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://rusf.ru/abs/rec/rec14.htm> (дата обращения: 24.12.2011).

СООТНОШЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ И ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»: ДОСТОЕВСКИЙ-ПИСАТЕЛЬ И ДОСТОЕВСКИЙ-ПУБЛИЦИСТ

А.В. Кузнецова

*Научный руководитель: Г.А. Склейнис,
доктор филологических наук, профессор (СВГУ)*

Данная работа посвящена «Дневнику писателя» Достоевского, ее актуальность predetermined постоянным интересом к творчеству одного из величайших писателей России и мира – Федора Михайловича Достоевского. Кроме того, «Дневник писателя» Достоевского недостаточно проанализирован с точки зрения соотношения публицистического и художественного начал, где грань между первым и вторым трудно уловить при поверхностном исследовании. Цель нашей работы и состоит в этом анализе.

Для того чтобы осветить творчество Федора Михайловича с точки зрения соотношения публицистического и художественного, стоит сначала определиться, что мы называем публицистическим, а что художественным.

Публицистика (от слова публичный, общественный) – та область литературы, которая занимается политическими, общественными вопросами с целью проводить определенные взгляды в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение, возбуждать определенные политические кампании [Горев 1925: 437]. **Художественное** же произведение есть выявление претворенного бытия жизни, где оно, хотя и схоже с бытием жизни, но все predetermined единой целью и живет только в нашем сознании в образах, постигаясь творческим актом обратного построения от претворенного бытия к его цели [Горев 1925: 549]. Итак, мы определились с тем, что такое публицистика и что художественное произведение; теперь мы можем искать признаки того и другого в творчестве Достоевского.

В Достоевском уживалось как минимум две личности: Достоевский-

публицист и Достоевский-художник. Это доказывает в первую очередь его литературно-публицистическая деятельность. Публицистическая – это помощь брату в издании журнала «Время», после закрытия которого братья начали выпускать журнал «Эпоха», публикации в «Русском вестнике», редакторская работа в журнале «Гражданин», литературно-критические статьи, очерки и т.д.. Ну, а литературная деятельность его всем хорошо известна: Достоевский написал восемь романов, двадцать четыре повести и рассказа, несколько стихотворений.

Но помимо того, что у Достоевского есть труды, которые можно без особого труда разделить на публицистику и художественную литературу, есть такие, которые содержат в себе черты и того, и другого. И ярким примером этого синтеза является проект Достоевского «Дневник писателя» – это сборник произведений Федора Михайловича Достоевского, выходивший в 1873-1881 годах. В нем автор откликнулся, главным образом в публицистической форме, на волновавшие его события современности.

Интересно, почему Достоевский вообще обратился к публицистике? Дело в том, что его занимают факты. В октябре в 1876 году он писал в «Дневнике»: «Недавно как-то мне случилось говорить с одним из наших писателей (большим художником) о комизме жизни, о трудности определить явление, назвать его настоящим словом. “А знаете ли вы”, – сказал мне мой собеседник, видимо давно уже и глубоко пораженный своей идеей, – “знаете ли, что, что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, – никогда вы не сравняетесь с действительностью. Что бы вы ни изобразили – все выйдет слабее, чем в действительности. Вы вот думаете, что достигли в произведении самого комического в известном явлении жизни, поймали самую уродливую его сторону, – ничуть! Действительность тотчас же представит вам в этом же роде такой фазис, какой вы еще и не предлагали, превышающий все, что могло создать ваше собственное наблюдение и воображение!”

Это я знал еще с 46-го года, когда начал писать, а может быть и раньше, – и факт этот не раз поражал меня и ставил меня в недоумение о полезности искусства при таком видимом его бессилии. Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: на чей глаз и кто в силах? Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только заметить факт, нужно тоже в своем роде художника» [Достоевский 1983: 313-314].

Здесь Достоевский-публицист признает вместе со своим коллегой –

«большим художником», что действительность всегда больше изображенного, хотя Достоевский-художник все же возражает ему: «Чтоб только заметить факт, нужно тоже в своем роде художника». В этом внутреннем конфликте мы усматриваем идеологическую причину того, что однажды Достоевский решил стать публицистом, хотя позже художник занял в нем лидирующее место. Помимо идеологической, есть и другие причины; перечислим основные из них.

Его гений нуждался в полемике. Прирожденный полемист, он никогда не боялся и не чуждался полемики – напротив, искал ее и проверял в диспутах справедливость собственной позиции. Но Достоевский был умелым полемистом, он собирался «проводить» идеи, и делать это гибче и тактичнее, чем, например, А. Григорьев, критический дар которого он ставил высоко, осуждая пренебрежение к публицистике: «В нем решительно не было этого такта, которые требуются публицисту и всякому проводителю идей... <...> “Я критик, а не публицист”, – говорил он мне сам несколько раз и даже незадолго до смерти своей, отвечая на некоторые мои замечания. Но всякий критик должен быть публицистом, в том смысле, что обязанность всякого критика – не только иметь твердые убеждения, но и уметь проводить свои убеждения. А эта-то умелость проводить свои убеждения и есть главнейшая суть всякого публициста» [цит. по: Туниманов 1972: 193].

«Дневник писателя» Достоевского написан в духе почвенничества с целью вернуть русское интеллигентное меньшинство к исканиям русского народа, заставить повернуться к народу лицом и обратиться к нему сердцем; в этом Достоевский следует мощному политическому направлению того времени – неославянофильству. Это свидетельствует о том, что Федор Михайлович преследовал определенные цели, создавая свои произведения, вошедшие в «Дневник писателя». Подобное преследование конкретных целей, особенно политических, характерно для публицистов. Художник не обязан ставить перед собой конкретные цели и достигать их, зачастую свои произведения писатели пишут на каком-то интуитивном уровне, не объясняя себе, почему и для чего пишут. Только после к ним приходит понимание этого, да и нередки случаи, когда понимание авторами своих творений менялось и переосмысливалось.

Публицист же не может позволить себе подобное вольнодумство. Его творения – стрелы, которыми он метит в определенные мишени, стремясь попасть в яблочко. Публицист, позволяющий себе отвлеченные рассуждения, лирические отступления, витиеватость мысли – плохой публицист, так как его рассуждения должны быть ясными, лаконичными, логичными. К художникам не предъявляется таких требований, в этом лежит основное различие между публицистом и художником.

Причины обращения Достоевского к публицистике мы рассмотрели, далее осветим следствия этого. Федор Михайлович хотел повлиять на свою страну и развитие ее истории, показать людям их собственное духовное состояние, обличить, а жанр рассказа, дневника, вкрапленного в журнал, подходил для этого как нельзя лучше. Этот жанр максимально сжат, а значит, легче усваивается читателем, компактен, следовательно, публикация не занимает много места и может печататься в составе журналов и других периодических изданий, язык и стиль рассказа прост, доступен для понимания среднестатистического человека и не требует особого уровня образования и поэтому воспринимается широкими массами, оставляет свой отпечаток в сознании общества – не только интеллигенции, но и мелкого буржуазного общества, горожан и простолюдинов.

С жанром рассказа неразрывно связан стиль, выбранный Достоевским. Это особая поэтика, особый пафос, отличающийся простотой, специально для народа. Образность повествования помогает автору апеллировать к народу, призывать, обращаться к массам. Элементы разговорного и художественного стилей служат для непосредственного общения, когда автор делится с окружающими своими мыслями или чувствами, использует все богатство лексики, что придает «Дневнику» образность, эмоциональность, а речи автора – конкретность.

Однако стиль с течением времени меняется, художественный стиль все больше впитывается в публицистический и доминирует над ним. Например, рассказ «Мальчик у Христа на елке», написанный в 1875 году, уже сложно отнести к публицистическому произведению, художественность в нем преобладает. Но вступление к этому рассказу – «Мальчик с ручкой» – это практически журналистская статья, публицистичность здесь на лицо, описаны реальные события, произошедшие с автором. В предновогодние дни 1875 года Достоевскому несколько раз на улицах Петербурга встретился нищий мальчик, просивший милостыню («мальчик с ручкой»).

То есть Достоевский брал сюжеты некоторых своих рассказов из реальной жизни, такая документальность повествования свидетельствует о том, что он хотел приблизиться к современности. Он говорил о том, что его беспокоило в жизни общества, не говорил об отвлеченных темах или вечных вопросах, а анализировал «жареные факты»: пьянство, самоубийство, бедность, которые обсуждали на тот момент все.

«Приговор» и «Кроткая» – отклик Достоевского на эпидемию самоубийств в России 70-х годов, о которой писали тогда везде и часто. К.П. Победоносцев, в частности, сообщая Достоевскому о самоубийстве дочери Герцена, желал от него выступления в «Дневнике писателя» в

соответственно-охранительном духе, злорадствовал, клеветал, смаковал подробности личной жизни эмигрантов, в том числе и близкого Достоевскому Огарева. Самоубийство Лизы Герцен, по письму Победоносцева, – достойный плод «нигилятины», отсутствия «веры» у отцов, заслуживших это страшное возмездие.

Достоевский не согласился с мнением Победоносцева, найдя его чересчур простым, а следовательно, и неверным. Самоубийцы «мерещились» ему: из «реальной» действительности и рождались сюжеты и образы «фантастических» рассказов, – в них он решительно разошелся с официозной прессой, которая «прямо связывала пессимизм, скептицизм и самоубийства с “крамоллой”» [Туниманов 1972: 203].

Есть еще одно самоубийство, потрясшее Достоевского и ставшее основой рассказа «Кроткая». Об этом самоубийстве Достоевский писал так: «С месяц тому назад во всех петербургских газетах появилось несколько коротеньких строчек мелким шрифтом об одном петербургском самоубийстве: выбросилась из окна, из четвертого этажа, одна бедная молодая девушка, швея, – “потому что никак не могла приискать себе для пропитания работы”. Прибавлялось, что выбросилась она и упала на землю, держа в руках образ. Этот образ в руках – странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто – стало нельзя жить, “бог не захотел” и – умерла, помолившись. Об иных вещах, как они с виду ни просты, долго не перестаете думать, как-то мерещится, и даже точно вы в них виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль» [Достоевский 1983: 315-316].

Достоевский откликался не только на яркие события общественной жизни, но и на события в литературном мире. Так, в рассказе «Бобок» сладострастная атмосфера странного кладбищенского сборища в какой-то степени связана с классическими и современными Достоевскому «образцами» эротической литературы, в том числе с нашумевшим романом П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя», второе издание которого появилось в 1872 году. Салтыков-Щедрин в статье «Новаторы особого рода» подверг этот роман язвительной критике, увидев в нем «нимфоманию и приапизм», попытку «узаконить в нашей литературе элемент “срывания цветов удовольствия”». Веселые вечера в «Жертве вечерней» быстро переходят в разнузданные оргии: «Ужин перешел в настоящую оргию. И я всех превзошла! Во мне не осталось ни капли стыдливости. Я была как какая-нибудь бесноватая». Неумной жаждой плотских наслаждений охвачены и мертвецы «Бобка», желающие последние два-три месяца как бы жизни провести «в свое удовольствие»: «Главное, чтобы весело провести остальное время...» [Достоевский 1980:

404].

Итак, «Дневник писателя» наполнен реалиями того времени. Автор намеренно вводит их, чтобы максимально приблизиться к действительности, «оживить» ее. Например, в рассказе «Бобок» автор вводит аллюзии на современность. Это доказывает следующая фраза главного героя: «Снесу в “Гражданин”»; там одного редактора портрет тоже выставили. Авось напечатают». Здесь имеется в виду портрет работы В.Г. Перова, о котором Л.К. Панютин писал: «Это портрет человека, истомившегося тяжелым недугом». А в рассказе «Бобок» о нем написано так: «Ступайте смотреть на это болезненное, близкое к помешательству лицо». То есть это практически реминисценция, рассчитанная на любителя публицистики.

Еще одна отличительная особенность «Дневника» заключается в диалогичности с несуществующим оппонентом. Здесь уместно вспомнить вступление Достоевского к «Дневнику», в котором он писал: «Однажды, разговаривая с покойным Герценом, я очень хвалил ему одно его сочинение – “С того берега”. Об этой книге, к величайшему моему удовольствию, с похвалой отнесся Михаил Петрович Погодин в своей превосходной и любопытнейшей статье о свидании его за границей с Герценом. Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента.

– И мне особенно нравится, – заметил я между прочим, – что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене.

– Да ведь в том-то и вся штука, – засмеялся Герцен. – Я вам расскажу анекдот. Раз, когда я был в Петербурге, затащил меня к себе Белинский и усадил слушать свою статью, которую горячо писал: “Разговор между господином А. и господином Б.”. (Вошла в собрание его сочинений). В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент, поплоше. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня.

– Ну что, как ты думаешь?

– Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять.

Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи:

– Зарезал! Зарезал!» [Достоевский 1980: 8].

Этот случай рассказан Достоевским в самом начале издания явно преднамеренно. Диалогичность, установка на открытый диспут тем самым провозглашаются ведущим структурным принципом «Дневника писателя». Достоевский точно так же, как и Герцен, создает образ

сильного, высокоинтеллектуального и образованного оппонента. Но автор не боится спора с таким сильным соперником, что свидетельствует об уверенности писателя в своей позиции, и эта уверенность передается читателю.

Итак, мы можем проследить ряд особенностей «Дневника писателя», свидетельствующих о том, что был он написан Достоевским-публицистом. Это полемичность, неслучайно выбранный жанр рассказа, особая поэтика, пафос и стиль, обращение к актуальным проблемам современности, «жареным фактам», основанность на реальных событиях, документальность, постановка определенных целей, диалогичность повествования, наполнение реалиями того времени, ясность, лаконичность, логичность рассуждения. Все это и многое другое говорит о публицистичности «Дневника».

Сложно сравнивать значимость Достоевского-публициста и Достоевского-художника. Наверное, большее количество людей все же восхищается Достоевским как художником, нежели публицистом, хотя бы потому, что знакомы с его художественными произведениями, а с публицистическими – нет. Но, например, К. Леонтьев писал, что он «публициста и моралиста» ценит в Достоевском несравненно выше, чем повествователя: «“Дневник писателя”, не во гнев будь сказано поклонникам покойного романиста, – для меня во сто раз драгоценнее всех его романов».

И далее: «Насколько мало у Достоевского в романах его и здоровья, и истинного чувства русской реальности, настолько, напротив того, как моралист и даже иногда как политик, – он здрав и одарен в высшей степени “чутьем” того, что для России нужно» [цит. по: Туниманов 1972: 171-172].

Федор Михайлович славил «электричество человеческой мысли», уповал на природу человека и высшее его предназначение на земле; вся его деятельность – художника и публициста – направлена на поиски истинных нравственных идеалов для общества. Наверное, эта цель, объединяющая Достоевского-публициста и Достоевского-художника, и является главной в творчестве писателя. А значит, общего у двух этих личностей намного больше, чем различного, и вряд ли стоит определять, кто из них ценнее: в конечном итоге, и тот и другой – один и для одного.

Список литературы

Виноградов В.В. Достоевский Ф.М. как редактор «Гражданина» и как автор анонимных фельетонов в нем / В.В. Виноградов // Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/vinogradov_problemi/12.aspx (дата обращения: 10.01.2013).

Горев Б.И. Публицистика / Б.И. Горев // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. – Т. 2. – М., 1925 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/vinogradov_problemi/12.aspx (дата обращения: 19.01.2013).

Горев Б.И. Художественное произведение / Б.И. Горев // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. – Т. 2. – М., 1925 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-6802.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

Достоевский Ф.М. Вступление, Бобок / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 21. – Л., 1980. – С. 5-8, 41-54.

Достоевский Ф.М. Два самоубийства / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Изыскания и размышления / под ред. Ю.В. Бондарева. – М., 1983. – С. 313-316.

Достоевский Ф.М. Кроткая / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы : в 2 т. – Т. 2. – М., 1956. – С. 618-656.

Достоевский Ф.М. Мальчик с ручкой, Мальчик у Христа на елке / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. – М., 1984. – С. 79-83.

Туниманов В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» / В.А. Туниманов // Достоевский – художник и мыслитель. – М., 1972. – С. 165-209.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭМОЦИИ СТРАХА В РАССКАЗАХ Л. ПАНТЕЛЕЕВА

О.С. Батова

*Научный руководитель: Л.Н. Савина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Страх человека в его стандартном понимании складывается из «экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [Изард 2000: 293]. Меняются предметы и способы выражения данной эмоции, различно влияние фобий на внутренний мир личности, на ее поведение, но страх как известная форма оценки, как тип отношения к миру и людям остается в нас всегда [Зеньковский 1996: 130]. Источники его возникновения определяются в исследованиях психологов по-разному: К.Э. Изард считает, что страхи могут быть приобретенными и врожденными, иметь внешние (внешние события) и внутренние (представление опасности при воспоминании) причины [Изард 2000: 295], в то время как Дж. Боулби пишет о «природных» и «производных» стимулах страха [см.: Ильин 2001: 147]. Данная эмоция, которую человек способен испытывать уже в раннем возрасте, в определенной степени обусловлена врожденными особенностями личности, но способность справляться с собственными фобиями часто зависит от опыта ребенка, полученного им через непосредственный контакт с окружающей действительностью и того примера, который он видит со стороны взрослых. Эмоции побуждают к